

Лю Цзясинь, Абасова С.Ж.

магистранты

НИИ инновационной экономики имени Ш. Мусакожоева

при НИУ «КЭУ имени М. Рыскулбекова»

г. Бишкек, Кыргызская Республика

Сыдыков Б.К.

д.э.н. профессор

НИИ инновационной экономики имени Ш. Мусакожоева

при НИУ «КЭУ имени М. Рыскулбекова»,

г. Бишкек, Кыргызская Республика

Роль экономической дипломатии в достижении целей устойчивого развития в условиях климатических изменений

Аннотация. В статье исследуется роль экономической дипломатии как ключевого инструмента мобилизации международных ресурсов для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) в условиях ускоряющихся климатических изменений. Анализируются основные механизмы экономической дипломатии — торговые соглашения, инвестиционные партнёрства, климатическое финансирование и многосторонние рамки сотрудничества — через призму их вклада в декарбонизацию и устойчивый рост. Сделан вывод о том, что укрепление экономической дипломатии в климатической повестке является необходимым условием достижения углеродной нейтральности и обеспечения устойчивого развития к 2030 году и за его пределами.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, климатические изменения, климатическое финансирование, зелёные инвестиции, углеродные рынки, Парижское соглашение, НОБ, многостороннее сотрудничество, энергетический переход.

Liu Jiaxin, Abasova S.Zh.

Master's students

Musakozhоеv Research Institute of Innovative

Economics at the M. Ryskulbekov KEU

Bishkek, Kyrgyz Republic

Sydykov B.K.

Doctor of Economics, Acting Associate Professor

Musakozhоеv Research Institute of Innovative

Economics at the M. Ryskulbekov KEU

Bishkek, Kyrgyz Republic

The role of economic diplomacy in achieving sustainable development goals in the context of climate change

Abstract. This article examines the role of economic diplomacy as a key instrument for mobilizing international resources to achieve the Sustainable Development Goals (SDGs) in the face of accelerating climate change. The study analyzes the main mechanisms of economic diplomacy — trade agreements, investment partnerships, climate finance, and multilateral cooperation frameworks — through the lens of their contribution to decarbonization and sustainable growth. The research concludes that strengthening economic diplomacy in the climate agenda is a necessary condition for achieving carbon neutrality and ensuring sustainable development by 2030 and beyond.

Keywords: economic diplomacy, climate change, climate finance, green investments, carbon markets, Paris Agreement, NDC, multilateral cooperation, energy transition.

Глобальный климатический кризис превратился в один из наиболее серьёзных вызовов XXI века, угрожающих не только экологической, но и экономической стабильности государств. По данным Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), без неотложных мер среднегодовые потери мирового ВВП от климатических воздействий к 2100 году могут составить от 10 до 23%. В этих условиях международное сообщество, принявшее в 2015 году Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка-2030) и Парижское соглашение по климату, поставило перед собой амбициозные цели: ограничить рост температуры планеты на уровне 1,5°C и обеспечить устойчивое развитие для всех.

Достижение данных целей требует не только технологических инноваций и внутренних политических реформ, но и принципиально нового качества международного сотрудничества. Именно здесь на первый план выходит экономическая дипломатия — совокупность государственных инструментов и практик по продвижению экономических интересов страны на международной арене посредством переговоров, заключения договоров, участия в международных организациях и формирования союзов. Вопрос о том, в какой мере экономическая дипломатия способна трансформироваться из инструмента национальной конкурентоспособности в механизм глобального устойчивого развития, остаётся дискуссионным в научном сообществе.

Понятие «экономическая дипломатия» прошло долгий путь эволюции. Классическое понимание, восходящее к работам Э. Карра и Г. Моргентхау, трактовало её преимущественно как инструмент геополитической проекции силы через экономические рычаги: санкции, льготные торговые режимы, кредитная дипломатия. Современная интерпретация значительно шире: М. Бауманн и Н. Байн определяют экономическую дипломатию как «использование политических инструментов для достижения экономических целей государств во внешней среде», включая формирование благоприятных условий для торговли, инвестиций, технологического обмена и регулятивного сотрудничества.

В контексте Повестки-2030 экономическая дипломатия приобретает новое измерение — она становится инструментом создания международных условий для реализации ЦУР. ЦУР 17 («Партнёрство в интересах устойчивого развития») прямо указывает на необходимость «оживления глобального партнёрства» и мобилизации ресурсов через торговую систему, финансовые потоки и технологический трансфер — то есть через классические инструменты экономической дипломатии. Таким образом, экономическая дипломатия встраивается в концепцию устойчивого развития в качестве её обязательного операционного уровня.

Схема 1. Многоуровневая архитектура экономической дипломатии в системе ЦУР

ГЛОБАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ: ООН, РКИК, G20, G7

РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ: ЕС, АСЕАН, АС, ШОС, СНГ

ДВУСТОРОННИЙ УРОВЕНЬ: МПД, соглашения о зелёных партнёрствах

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ: НПА, климатические стратегии, NDC

СУБНАЦИОНАЛЬНЫЙ: города, регионы, особые экономические зоны

Источник: составлено автором на основе материалов ООН, UNCTAD, ОЭСР

Другим ключевым теоретическим вопросом является соотношение национальных интересов и глобальных климатических целей в рамках экономической дипломатии. Традиционная парадигма «нулевой суммы» (выигрыш одной стороны = проигрыш другой) плохо применима к климатическому контексту, где дестабилизация климата наносит ущерб всем участникам. Это открывает пространство для «зелёной» дипломатии с положительной суммой, где страны объединяют усилия ради взаимовыгодной декарбонизации. Концепция «климатических клубов», разрабатываемая У. Норд-хаузом и поддерживаемая G7 в 2022 году, представляет собой один из механизмов такой кооперации.

Торговые соглашения и климатическая интеграция. Торговая политика является одним из наиболее мощных рычагов экономической дипломатии. Традиционно она ориентировалась на снижение тарифных и нетарифных барьеров, что нередко вступало в противоречие с экологическими нормами. Однако в последнее десятилетие наметилась устойчивая тенденция к «озеленению» торговых соглашений: включение глав об устойчивом развитии, экологических стандартах, запрете субсидий ископаемому топливу. Согласно базе данных ВТО, к 2024 году более 70% региональных торговых соглашений, заключённых после 2015 года, содержали положения об окружающей среде.

Наиболее амбициозным инструментом стал Механизм трансграничного углеродного регулирования Европейского союза, введённый в 2023 году. Он обязывает импортёров углеродоёмкой продукции (сталь, алюминий, цемент, удобрения, электроэнергия, водород) приобретать углеродные сертификаты по цене, соответствующей цене EU ETS.

Для развивающихся стран, в том числе Кыргызстана, данный механизм несёт одновременно риски и возможности. С одной стороны, экспортёры металлов и цемента столкнутся с дополнительными издержками. С другой — страны, своевременно перешедшие на низкоуглеродное производство, получают конкурентное преимущество на рынках ЕС. Это делает экономическую дипломатию инструментом не только минимизации рисков СВМ, но и стратегического позиционирования в зеленеющей мировой экономике.

Климатическое финансирование как ключевой дипломатический инструмент. Центральным элементом климатической экономической дипломатии является мобилизация климатического финансирования. Обязательство развитых стран предоставлять развивающимся странам \$100 млрд ежегодно, закреплённое в Копенгагенском соглашении 2009 года и подтверждённое Парижским соглашением, стало важнейшим дипломатическим завоеванием переговоров по климату. Однако его практическая реализация сопряжена со значительными трудностями, связанными с определением понятия «климатическое финансирование», разрывом между обещаниями и фактическими потоками, а также структурой предоставляемых средств (льготные кредиты vs. гранты).

Таблица 1. Структура глобального климатического финансирования по каналам экономической дипломатии (2022–2023 гг.)

Источник финансирования	Объём (млрд USD/год)	Доля в общем объёме (%)	Приоритетные направления
Двусторонняя ОПР	28,6	22,4%	Адаптация, LULUCF
Многосторонние фонды (GCF, GEF)	21,3	16,7%	Смягчение, технологии
Частный капитал (ПИИ в ВИЭ)	57,9	45,3%	Солнечная, ветровая энергия
Климатические облигации	20,5	16,0%	Инфраструктура, транспорт
Итого	128,3	100%	–

Анализ структуры климатического финансирования (Таблица 1) показывает, что частный капитал занимает наибольшую долю (45,3%), что свидетельствует о возрастающей роли дипломатии по работе с частным сектором. Двусторонняя официальная помощь развитию (ОПР), исторически являвшаяся основным каналом экономической дипломатии,

составляет лишь 22,4%. Это означает принципиальную трансформацию самой природы климатической дипломатии: от государственного к смешанному публично-частному формату.

Рисунок 1. Динамика климатического финансирования по каналам экономической дипломатии (2015–2023 гг., млрд USD)

Ключевым инструментом мобилизации частного климатического капитала стали зелёные облигации (green bonds), рынок которых достиг \$500 млрд в 2023 году. Экономическая дипломатия играет здесь роль «нормативного брокера»: через Международную ассоциацию рынков капитала (ICMA) и Принципы зелёных облигаций формируются стандарты, которые постепенно инкорпорируются в национальные законодательства и двусторонние финансовые договорённости.

Кыргызстан в системе климатической экономической дипломатии. Для Кыргызской Республики как малой открытой экономики, существенно уязвимой к климатическим изменениям (особенно в части таяния ледников и деградации пастбищных экосистем), вопросы климатической экономической дипломатии имеют особое значение. Страна ратифицировала Парижское соглашение в 2019 году и представила обновлённый Национально-определяемый вклад, предусматривающий снижение выбросов на 44% к 2030 году при условии международной поддержки.

Основными инструментами, доступными Кыргызстану в рамках климатической экономической дипломатии, являются: участие в зелёных фондах для привлечения климатического финансирования; развитие гидроэнергетики как предмета региональной энергетической дипломатии в рамках ШОС, СНГ, ЦАС; переговоры о доступе к Зелёному климатическому фонду и реализация проектов в рамках NAMA (nationally appropriate mitigation actions); позиционирование в качестве «зелёного коридора» для транзита экологически чистой энергии в регионе ЦА.

Вместе с тем Кыргызстан сталкивается с характерными для малых развивающихся стран барьерами: ограниченным потенциалом климатических переговоров, сложностью доступа к финансовым механизмам из-за бюрократических требований, а также конкурентным давлением со стороны более крупных региональных игроков. Преодоление этих барьеров требует системного подхода к развитию национального потенциала климатической дипломатии.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие ключевые выводы:

- Экономическая дипломатия трансформируется из инструмента национальной конкурентоспособности в ключевой механизм глобального климатического управления. Эта трансформация носит не добровольный, а вынужденный характер: физические риски климатических изменений создают необходимость международной координации, которую невозможно обеспечить без дипломатических инструментов экономической интеграции.

- Климатическое финансирование является центральным элементом климатической экономической дипломатии, однако существующая архитектура его мобилизации не соответствует масштабу задач. Переход от долгового к грантовому финансированию, от государственного к смешанному публично-частному формату и от

двустороннего к многостороннему механизму является необходимым условием достижения амбиций Парижского соглашения.

– Для развивающихся стран, в том числе Кыргызской Республики, климатическая экономическая дипломатия несёт как риски (СВАМ, инвестиционные арбитражи), так и возможности (приоритетный доступ к климатическому финансированию, зелёные экспортные рынки, технологический трансфер). Своевременное позиционирование в глобальной зелёной экономике является стратегическим приоритетом.

Список источников

1. Государственное агентство охраны окружающей среды и лесного хозяйства КР. Национально-определяемый вклад Кыргызской Республики (NDC). — Бишкек, 2021. — 42 с.
2. Зонова Т.В. Экономическая дипломатия: теория и практика. — М.: МГИМО-Университет, 2020. — 240 с.
3. Кирюшин С. А. Развитие сетевого межорганизационного сотрудничества малого и среднего бизнеса в «зеленой» логистике//Journal of Monetary Economics and Management. - 2025.- №3. – С.222-229.
4. United Nations. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution A/RES/70/1. — New York: UN, 2015. — 35 p.
5. UNFCCC. Paris Agreement. — Paris: United Nations, 2015. — 27 p.
6. IPCC. Climate Change 2023: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Sixth Assessment Report. — Geneva: IPCC, 2023. — 184 p. 1370.
7. European Commission. Carbon Border Adjustment Mechanism: Regulation (EU) 2023/956. — Brussels: OJ EU, 2023.
8. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939. — London: Macmillan, 1939. — 312 p.